

A full-page portrait of a young man with dark, wavy hair and light-colored eyes. He is wearing a black leather jacket with a thick, white fur collar and a black turtleneck underneath. He is looking directly at the camera with a slight smile. The background is a soft-focus winter scene with snow-covered trees and a warm, golden light, possibly from a setting or rising sun.

МОРГАНА
РЕДЖ

СНЕЖИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Расстояние твое сердце

Моргана Редж

Снежин. Растоплю твое сердце

«Автор»

2026

Редж М.

Снежин. Растоплю твое сердце / М. Редж — «Автор», 2026

Роман Снежин - ледяной король универа. Холодный, беспринципный, безэмоциональный. Яна Солнцева - яркая, веселая и шустрая обезьянка, которая решается на отчаянные меры во время поездки на турбазу. Миссия - растопить сердце Снежина и добиться внимания. (Что из этого получится?)

© Редж М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	17
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Глава 10.	23
Глава 11.	25
Глава 12.	27
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Моргана Редж

Снежин. Растоплю твое сердце

Глава 1.

Яна

Морозец пощипывает щеки, а дыхание вырывается облачком пара, настолько густым, что кажется материальным. Я стою перед автобусом, вжимаю подбородок в шерстяной шарф и наблюдаю. Наблюдаю за ним.

Роман Снежин.

Он прислонился к холодному боку автобуса, руки в карманах узких черных джинсов, воротник длинного черного пальто поднят. Он не двигается, не разговаривает, не смеется с остальными. Он просто есть. Снежинка, вырезанная из льда, с идеальными линиями и смертельной холодностью. От него буквально веет морозным воздухом, и несколько первокурсниц, хихикая и подталкивая друг друга, даже не решаются подойти. Они просто смотрят, замороженные, как мотыльки на холодный, неприступный огонь.

А я решила. Сегодня или никогда. Новогодние каникулы, турбаза, сосны, снег и почти две недели в одном пространстве. Мой план созрел, отточен и лежит в моей голове, сверкая, как гирлянда. Я растоплю этого ледяного короля.

— Солнцева, хватит мечтать, грузись! — кричит Катя, моя соседка по общежитию, и хлопает меня по плечу.

Я вздрагиваю и отрываю взгляд от Романа. Автобус гудит, изрыгая клубы выхлопного газа в хрустальный воздух. Все носятся с рюкзаками и термосами, кричат, делятся предновогодним настроением. Я в своей самой яркой куртке — цвета спелого мандарина, конечно. Если уж быть солнцем, то быть им по полной программе.

— Я не мечтаю, я стратегически планирую, — отвечаю я, оскалившись в улыбке, и втаскиваю свою огромную сумку в багажное отделение.

В салоне пахнет бензином, мандаринами и влажной одеждой. Я быстро занимаю место у окна в конце салона — стратегически важная точка. Отсюда видно и вход, и его. Через несколько минут он появляется в дверях. Весь шум и гам как будто затихает на секунду, когда он проходит по салону. Он не смотрит ни на кого, его взгляд устремлен куда-то в никуда, сквозь стены и людей. Он садится на одно из последних сидений на одном ряду со мной, но остается один. Никто не решается занять соседнее место. Его территория. Его ледяной трон.

Автобус трогается. Я достаю наушники, но музыку не включаю. Вся мое существо настроено на него, на его частоту. Я вижу его отражение в темном стекле окна. Он откинул голову на подголовник, глаза закрыты. Длинные ресницы отбрасывают тень на скулы. Черты лица резкие, будто высеченные скульптором, который был зол на весь мир. Таким его и представляешь — разгневанным божеством, создавшим себя из льда и презрения.

«Почему? — вертится у меня в голове. — Что с тобой случилось, Роман Снежин? Кто превратил твое сердце в вечную мерзлоту?»

Но мысли прерываются. Он шевелится. Открывает глаза и смотрит в мою сторону. Наши взгляды встречаются. Он не отводит глаз. Его взгляд серый, стальной, бездонный. В нем нет ни капли интереса, лишь холодное, изучающее равнодушие, как будто он смотрит на странное насекомое, которое почему-то оказалось в его поле зрения. У меня по спине бегут мурашки, и я чувствую, как замирает сердце. Это не приятный трепет, а скорее первобытный страх. Страх быть раздавленной этой холодностью.

Но я же Солнцева. И я не сдамся.

Удерживаю его ледяной взгляд и... подмигиваю. Быстро, почти неуловимо.

Его лицо не меняется. Ни единой мышцы не дергается. Он просто смотрит на меня еще пару секунд, а потом так же медленно отводит взгляд обратно в окно, словно просто перевел дух на каком-то скучном пейзаже. Как будто меня и не было.

Черт. Это должно было сработать. Ну, или хотя бы вызвать какую-то реакцию! Раздражение, удивление, что угодно.

Внутри все закипает. Он дико бесит. Эта его абсолютная, тотальная непробиваемость. Он ведет себя так, будто все вокруг — декорации, а он единственный реальный персонаж.

«Ладно, Снежин, — мысленно говорю я ему, глядя на его затылок. — Ты еще не знаешь, какая я обезьянка. Я буду прыгать по твоим веткам, качаться на твоих нервах, пока ты не сорвешься. Или не растаешь».

Я утыкаюсь лбом в холодное стекло. За окном мелькают заснеженные поля, темный лес. До турбазы еще часа три. Три часа в одном металлическом ящике с ним. Три часа, чтобы окончательно утвердиться в своем плане.

Соблазнить ледяного короля. Какая безумная, бредовая, восхитительная идея.

Я не знаю, что скрывается за его вечной зимой. Но я поклялась, что узнаю. И новогоднее чудо, которое я хочу, — это не подарок под елкой. Это увидеть, как этот беспринципный, холодный циник потеряет контроль. Из-за меня.

Игра началась, ваше ледяное величество. Готовьтесь к оттепели.

Дорогие мои! Добро пожаловать в мою новую зимнюю историю!))

Почему поведение Снежина так соответствует его фамилии? Что скрывается внутри ледяного айсберга? Сможет ли Яна растопить его сердце? Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять, ставьте звездочки и пишите комментарии)) всех обнимаю))

Глава 2.

Яна

Автобус катит по заснеженной трассе, и я чувствую себя, как на иголках. Каждая кочка, каждый поворот — это шанс украдкой взглянуть на него. Он не спит. Просто сидит, уставившись в свое окно, в котором кроме мрака и мелькающих огней ничего нет. Как будто внутри него своя вселенная, и она чернее зимней ночи.

Я достаю термос с горячим шоколадом — моим жидким оружием хорошего настроения. Наливаю в крышку-стаканчик, и сладкий пар щекочет ноздри.

— Кать, держи, — протягиваю ей вторую крышку, она сидит напротив меня.

— Спасибо, солнышко, — она берет и смотрит на меня с прищуром. — И что ты задумала? У тебя вид охотника, отслеживающего дичь.

Я широко улыбаюсь.

— Самая ценная дичь. С ледяной шкурой и каменным сердцем, — говорю тихо, чтоб никто кроме Катки не услышал.

— Яна, ну ты даешь. Снежин? Серьезно? Ты же знаешь, чем заканчиваются все попытки его растопить. Обморожение и разбитое эго, — подруга тоже переходит на шепот и делает круглые глаза.

Я делаю глоток сладкого, обжигающего напитка. Он согревает изнутри, придавая храбрости.

— А я не буду пытаться его растопить. Я его... взломаю. Как кодовый замок. Нужно просто подобрать правильную комбинацию.

Катя покачивает головой, но в ее глазах читается азарт. Она знает, что отговорить меня — все равно, что остановить лавину.

Внезапно автобус резко тормозит, входя в поворот. Мой термос подскакивает на коленях, и горячий шоколад выплескивается мне на куртку. Я вскрикиваю от неожиданности. Проклятье. Яркое темное пятно на рукаве. Идиотская дорога.

Я встаю, чтобы стряхнуть капли, и в этот момент мой взгляд снова натывается на него. Роман смотрит прямо на меня. На мое пятно. На мою суету. И в уголках его губ я вижу едва заметное, холодное движение. Это не улыбка. Это усмешка. Усмешка хищника, который увидел, как его будущая добыча совершает глупую ошибку.

Наши глаза встречаются на долю секунды. В его взгляде — бездонное презрение. И что-то еще... Любопытство? Нет, скорее оценка. Как будто он взвешивает меня на весах и находит слишком легкой.

Я не отвожу взгляд. Вместо этого я подношу крышку с шоколадом к губам и делаю медленный, преувеличенный глоток, не сводя с него глаз. «Смотри, Снежин. Смотри, как я не пасую. Даже с шоколадом на физиономии».

Он первый опускает взгляд. Поворачивается к окну. Но его плечи кажутся еще более напряженными, чем минуту назад.

Маленькая победа. Ничтожная. Но я чувствую прилив адреналина, будто одержала крупную победу.

Оставшиеся два часа пути я провожу в размышлениях. Я наблюдаю, как другие ребята из группы пытаются вовлечь его в разговор. Кто-то из парней из его баскетбольной команды шутит что-то, подходя ненадолго и хлопая его по плечу. Роман просто игнорирует его, как игнорировал бы жужжание мухи. Парень, смущенно хмыкнув, отступает. Никто не может пробить эту стену. Никто.

А я хочу быть тем землетрясением, что разрушит ее до основания.

Наконец, автобус сворачивает с трассы и, потряхивая на ухабах, въезжает на территорию турбазы. В свете фонарей видно старые деревянные домики, укрытые толстым слоем снега, и высокие, темные ели, склонившие свои ветви под тяжестью снежных шапок. Воздух здесь пахнет по-другому — хвоей, морозом и тишиной.

Двери автобуса с шипением открываются, и мы вываливаемся на мороз, разминая затекшие ноги. Нас встречает администратор — женщина лет пятидесяти в пуховке — и начинает зачитывать список расселения.

Я почти не дышу, слушая. Мое сердце колотится где-то в горле. Судьба, пожалуйста, сыграй со мной в одну игру.

— Снежин Роман, — читает женщина, — корпус «А», номер семь.

А потом, через несколько имен:

— Солнцева Яна... Корпус «А», номер восемь.

Рядом. Мы живем по соседству.

Я не могу сдержать широкую, победную улыбку. Катя, услышав это, закатывает глаза и шепчет:

— Тебе прям карты в руки, Солнцева.

Ребята начинают растаскивать вещи по домикам. Я хватаю свою сумку и устремляюсь к корпусу «А». Он стоит чуть в стороне, у самого леса. Деревянные стены, резные ставни. Очень уютно. И очень романтично.

И вот я стою на крыльце, ключ от номера восемь в руке. Дверь в номер семь слева от меня закрыта. Захлопнулась за несколько мгновений до. Я представляю, как он снимает свое черное пальто, вешает его на вешалку. Разбирает вещи. Создает вокруг себя свое ледяное поле.

Я кладу ладонь на холодную деревянную дверь его номера. Сквозь тонкую перегородку я почти физически чувствую его присутствие. Он там. Всего в метре от меня. За этой стеной.

Мой план обретает четкие, соблазнительные очертания. Все только начинается. И мое терпение — не безгранично. Первый шаг сделан. Теперь нужно сделать второй. И я знаю, какой он будет. Сегодня вечером, когда все соберутся на общее знакомство у камина, я надену свое самое короткое красное платье. Цвет страсти, цвет вызова.

Посмотрим, сможет ли ледяной король устоять перед огнем.

Глава 3.

Снежин

Автобус — это консервная банка, набитая громкими, пахнущими дешевым парфюмом и юношеским максимализмом телами. Я ненавижу эти массовые выезды. Но пропустить — значит вызвать лишние вопросы, а их я терпеть не могу. Вопросы, сочувствие, попытки «помочь» — все это формы мусора, который люди пытаются вывалить на твой порог.

Я занимаю место сзади, один. Это мой щит. Никто не сунется. Они боятся. И правильно делают. Мое одиночество — это не просьба о компании, это предупреждающий знак: «Осторожно, высокое напряжение. Смертельно».

И вот она входит. Яна Солнцева. В куртке цвета апельсина, который режет глаз. Она несет с собой гам и энергию, от которой у меня сводит скулы. Ее улыбка слишком яркая, смех слишком громкий. Она как вспышка света в темной комнате, заставляющая зажмуриться. Раздражает.

Я закрываю глаза, пытаюсь отгородиться, построить стену из внутреннего льда. Но она повсюду. Я слышу ее хихиканье, ее дурацкие шутки. Она как назойливое насекомое, которое нельзя прихлопнуть при всех.

Она садится тоже сзади, с другого края.

Потом этот дурацкий инцидент с шоколадом. Автобус тормозит, и я слышу ее визг. Открываю глаза. Она вся в суете, на ее яркой куртке бурое пятно. Выглядит жалко и нелепо. Уголки моих гудящих от напряжения губ сами собой ползут вверх в холодной усмешке. Вот и все, Солнцева. Вся твоя яркость так же недолговечна и уязвима.

И в этот момент она поднимает на меня взгляд. Не смущенный, не растерянный. Вызов. Чистейший, глупейший вызов. И она... подмигивает.словно мы затеяли какую-то игру.

Я отвожу взгляд, будто ничего не произошло. Но внутри что-то щелкает. Раздражение. Глубокое, острое. Она не боится. Она не отступает, как все остальные. Она лезет.

Оставшуюся дорогу я чувствую ее взгляд. Он физически ощущается на моей коже, как прикосновение чего-то чересчур горячего. Она не отрывается. Наблюдает. Как хищник? Нет. Как навязчивый ученый, изучающий редкий, опасный экземпляр. Это невыносимо.

Наконец, мы приезжаем. Снег, ели, деревянные бараки. Идиллическая картина, от которой тошнит. Все вываливаются, шумят, радуются. Я прохожу сквозь эту толпу, как нож сквозь масло. Они расступаются. Всегда расступаются.

Получаю ключ. Корпус «А», номер семь. Хорошо. Угловой, должно быть тише.

Направляюсь к своему номеру. И слышу за спиной...

— Солнцева Яна... Корпус «А», номер восемь.

Черт... Только этого не хватает. Будет жужжать, как назойливая муха. Или придумает повод по-соседски. Бесит.

Надо ее отвадить. Охладить. Сделать ее жизнь рядом со мной невыносимой. Чтобы сбегала. В другой номер или вовсе с турбазы.

Точно. Надо что-то придумать. Чтоб она исчезла с моих глаз.

Я захожу в комнату. Спартанская обстановка: кровать, тумба, шкаф. Пахнет деревом и морозом. Я ставлю сумку на пол, снимаю пальто. Тишина. Наконец-то.

И тут слышу ее голос с улицы. Бодрый, звонкий.

Соседка. Эта солнечная чума моя соседка.

Я замираю у стены, сжав кулаки. Это не случайность. Это объявление войны. Тихая, наглое, но объявление.

Через тонкую перегородку слышно каждый звук. Она входит в свою комнату, что-то шумно ставит, напевает какую-то дурацкую мелодию. Ее энергия, ее жизненная сила просачиваются сквозь дерево, словно радиация, отравляя мой покой.

Я подхожу к стене и прикладываю к ней ладонь. Дерево холодное. Но с той стороны исходит невыносимое тепло. Тепло ее присутствия.

«Привет, сосед».

Я слышу этот шепот. Четко, как если бы она стояла рядом. Тихий, но полный торжества и дерзости.

Я отшатываюсь от стены, как от раскаленного металла. Во рту пересыхает. Во мне вскипает ярость, та самая, темная и хищная, которую я так тщательно сдерживаю годами. Она думает, это игра? Она думает, я тот холодный приз, который можно заполучить, если достаточно настойчиво улыбаться и подмигивать?

Ошибка. Роковая ошибка.

Подхожу к зеркалу над тумбой. Мое отражение смотрит на меня пустыми, серыми глазами. Лицо — маска изо льда. Но глубоко внутри, в тех темных уголках, куда я сам стараюсь не смотреть, что-то шевелится. Что-то, что я заковал в цепи много лет назад.

Она хочет растопить лед? Хорошо. Пусть попробует. Но она не знает, что скрывается под ним. Не знает, что лед толщиной в метр — это не защита от внешнего мира. Это крышка склепа. А в склепе похоронено нечто, что не должно видеть солнечного света.

Я сжимаю край тумбы так, что костяшки пальцев белеют. Она играет с огнем, стоя на тонком льду над бездной.

Мне хочется потушить этот свет, который от нее исходит. Заморозить ее сердце, чтобы поняла, что не все в жизни так радужно.

Стискиваю зубы. Она вызывает во мне эмоции, которых быть не должно. Я их выкорчевал с корнями и похоронил.

Спокойно, Снежин. Ты же айсберг. С места не сдвинуть. Так оставайся же им.

Черт, зачем я сюда поехал?

Глава 4.

Яна

Дверь за мной закрывается, и я прислоняюсь к ней спиной, позволяя себе, наконец, выдохнуть. Глубокий, дрожащий выдох. Он здесь. Прямо за этой стеной. Я почти слышу его дыхание, ощущаю исходящий оттуда холод, как от приоткрытой дверцы морозильника.

Моя комната такая же спартанская, как, наверное, и его: простая деревянная кровать, тумбочка, вид на заснеженные ели. Но в ней пахнет хвоей и свежестью, а не льдом и отчуждением. Я скидываю куртку, смотря на шоколадное пятно. Дурацкая случайность. Но даже эта случайность заставила его посмотреть на меня. Пусть с усмешкой, пусть с презрением, но он увидел меня. А не просто скользнул взглядом, как по пустому месту.

Я подхожу к стене, той самой, что отделяет меня от него. Дерево теплое, живое. Я прикладываю ладонь и на секунду закрываю глаза, представляя, что чувствует он. Сидит на кровати? Стоит у окна? Я почти не слышу звуков, только легкий скрип половиц, когда он двигается. Он тяжелый. Массивный. Даже его шаги должны быть беззвучными, но этот старый деревянный дом выдает его.

«Привет, сосед», — шепчу я снова, уже просто для своего удовольствия. И громко, чтобы он наверняка услышал, начинаю распевать веселую новогоднюю песенку, безбожно фальшивя. Пусть знает, с кем имеет дело. Пусть привыкает к шуму.

Через полчаса раздается стук в дверь — Катя.

— Открывай, небожитель!

Я впускаю ее. Она смотрит на меня с прищуром.

— Ну что, как там твое соседство с айсбергом?

— Пока тихо, — улыбаюсь я, доставая из сумки то самое красное платье. Оно короткое, облегающее, из мягкого трикотажа. Цвет спелой вишни, страсти и дерзости. — Но скоро станет очень жарко.

Катя свистит.

— Ты не шутишь. Ты и впрямь решила идти до конца. Ты же знаешь истории? Та девушка с филфака, которая пыталась с ним заговорить на паре, а он посмотрел на нее так, что она потом неделю не выходила из общаги.

— Знаю, — говорю я, расстелив платье на кровати. — Но я не буду с ним говорить. Я буду его дразнить. Раздражать. Выводить из себя. Пока он сам не заговорит. Со мной.

— Самоубийство, — качает головой Катя, но в ее глазах загорается азарт. — Но, черт возьми, я хочу на это посмотреть.

Вечером мы спускаемся в главный корпус, где уже накрывают столы и разжигают камин. Народ постепенно подтягивается, шумно, пахнет жареным мясом и глинтвейном. Я в своем красном платье. Чувствую на себе взгляды — оценивающие, одобрительные, заинтересованные. Я улыбаюсь, шучу, будто мне весело и легко. Но все мое существо — один большой радар, настроенный на одного человека.

И вот он появляется.

Снежин идет по лестнице, и шум в зале на секунду стихает. Он не в черном, а в темно-сером свитере, но от этого он не кажется мягче. Все так же режет пространство, как лезвие. Его взгляд скользит по залу, холодный, безразличный. Он замечает меня. На секунду. Меньше чем на секунду. Но я вижу, как его зрачки чуть сужаются. Он увидел платье. Увидел меня. И прошел мимо, к столу с напитками, наливая себе минеральной воды. Один.

Отлично. Заметил. Это уже что-то.

Вечер идет своим чередом. Все едят, пьют, смеются. Роман сидит в стороне, в глубоком кресле, будто на троне. Никто не подходит. Я даю ему время. Даю ему привыкнуть к моему присутствию, к моему красному платью в его периферийном зрении.

Потом начинаются игры. Какие-то глупые новогодние фанты. Я активно участвую, смеюсь громче всех, танцую у камина, когда включают музыку. Я — эпицентр веселья. А он — его абсолютный ноль.

И вот настает мой момент. Кто-то предлагает игру в «Правду или действие» по жребии. Бутылка крутится посреди круга. Я молюсь всем богам, чтобы она указала на него. Или на меня. Но она указывает на Сашку, нашего затейника. Он выбирает «действие».

— Окей! — кричит Сашка. — Задание... Эмм... Обнять того, кого считаешь другом!

Все хохочут. Сашка оглядывается, его взгляд падает на меня. Я улыбаюсь, но внутренне готовлюсь отшить его как можно мягче. Но он вдруг поворачивается и смотрит на Романа.

— Знаешь что? Я выберу Снежина! — провозглашает он. — Все равно от тебя не дождешься ни правды, ни действия! Обниму — и все тут!

В зале воцаряется мертвая тишина. Все смотрят на Сашку как на безумного, а на Романа — с ужасом и ожиданием. Сашка, красуясь, делает шаг к его креслу.

Роман не двигается. Он смотрит на Сашку тем взглядом, от которого стынет кровь. Холодным, плоским, нечеловеческим.

— Не подходи, — говорит он. Всего два слова. Тихие, но четкие, как удар хлыста. В них нет злости. Есть только абсолютная, безоговорочная угроза.

Сашка замирает на полпути, его глупая улыбка медленно сползает с лица. Он бледнеет и, бормоча что-то невнятное, отступает назад.

В зале неловкое молчание. Веселье убито наповал.

И тут я встаю.

Все взгляды переключаются на меня. Я чувствую, как у меня горят щеки, а сердце колотится где-то в желудке. Я прохожу через весь зал, не сводя глаз с Романа. Он смотрит на меня, и в его глазах впервые появляется нечто, кроме льда. Предупреждение. Яростное, невысказанное предупреждение.

Я останавливаюсь перед его креслом. Все затаили дыхание.

— Не бойся, Саш, — говорю я, не отрывая взгляда от Романа. — Он не кусается. Просто боится, что его растопят.

И прежде чем кто-либо успевает что-то понять, я наклоняюсь и быстро, стремительно, целую Романа Снежина в щеку.

Кожа под моими губами обжигающе холодная и упругая. Он не двигается. Он просто сидит, и я чувствую, как все его тело на мгновение становится абсолютно каменным.

Потом я отскакиваю, как от кратера вулкана. В зале гробовая тишина. Я вижу его глаза. Лед растрескался. Сквозь трещины пышет такой первобытной, такой дикой яростью, что у меня по спине бегут ледяные мурашки. Он смотрит на меня, как смотрят на того, кто должен умереть.

Я поворачиваюсь и ухожу обратно к камину, к столпотворению, под прикрытие друзей. Мои ноги ватные, а губы все еще горят от прикосновения к его коже.

Я сделала это. Я перешла все границы. Вломила на его территорию и оставила там свой след. След помады? След солнца?

Неважно.

Война объявлена. И я сделала первый выстрел.

Теперь главное — выжить.

Глава 5.

Снежин

Она поцеловала меня. Она! Меня! Поцеловала! Зараза мелкая.

Этот факт ударяет в мозг с запозданием, как глухой подводный взрыв, от которого содрогается все дно. Ее губы. Горячие. Влажные. Мягкие. След от них пылает на моей щеке, как клеймо. Я чувствую этот жар сквозь ледяную броню, сквозь мышечные зажимы, сквозь годы выстроенной защиты. Он прожигает меня насквозь.

Безумная девчонка. Как же она меня бесит!

Но я не подаю вида. Любая реакция будет в ее пользу. Она специально выводит меня на эмоции.

Добивается внимания. Надела это дурацкое красное платье.

В зале повисла тишина, густая, давящая. Все смотрят. На меня. На нее. Они боятся пошевелиться. Боятся, что любое движение спровоцирует взрыв. Они правы.

Я медленно поднимаюсь с кресла. Каждый мускул напряжен до предела, сдерживая ту черную, кипящую лаву, что поднимается из глубины. Та лава, что я похоронил семь лет назад вместе с... Нет. Не сейчас.

Я смотрю на нее. Яна Солнцева. В своем вызывающем красном платье, которое облегает ее формы, словно вторая кожа. Все напоказ – круглые бедра, уверенная двочка в декольте.

Черт, Снежин! Да она тебя соблазняет! Но я не поведусь. Нет.

Мы все это уже проходили. И закончилось плохо. Очень плохо.

Лучше быть безэмоциональным инвалидом. Черствым и холодным ублюдком. А не вот эти все розовые сопли, когда растворяешься в человеке.

Что там психологи говорят? Избегающий тип привязанности? Ага, оно самое.

Она стоит у камина, пытается сохранить маску дерзкой улыбки, но я вижу. Вижу, как дрожат ее пальцы, сжимающие стакан. Вижу испуг в ее глазах, который она пытается загнать поглубже. Она испугана. И правильно делает.

Она думает, это игра? Милый флирт, забава? Она вломила в мою крепость с поцелуем, как таранным ударом.

Я делаю шаг в ее сторону. Толпа инстинктивно расступается, образуя коридор. Зал замер. Слышно только потрескивание поленьев в камине. Я иду медленно, целенаправленно. Не как жертва, преследующая обидчика. Как хищник, приближающийся к добыче, которая уже не может убежать.

Она не отводит взгляд. Держит его, полный вызова. Глупая, безрассудная девочка.

Я останавливаюсь перед ней. Так близко, что чувствую исходящее от нее тепло, запах ее духов — что-то сладкое, фруктовое, раздражающе жизнерадостное. Я наклоняюсь к ее уху. Мое дыхание ровное, холодное. Ее дыхание сбилось.

— Это была ошибка, — говорю я тихо, так, чтобы слышала только она.

Мой голос — не шепот, а ледяная сталь, обточенная до остроты бритвы. В нем нет угрозы. Есть констатация факта. Приговор.

Я вижу, как по ее телу пробегает крупная дрожь. Ее пальцы сжимают стакан так, что костяшки белеют.

— Я... Я не знаю, о чем ты, — пытается она парировать, но ее голос срывается.

Я позволяю своим губам прикоснуться к ее уху. Мимолетно. Холодно. Как прикосновение лезвия.

— Знаешь, — выдыхаю я. — Играешь с огнем, Солнцева. Но я не костер, который можно разжечь. Я — ледник. И ты просто затеряешься в одной из моих трещин, и никто не найдет твоего тела.

Отстраняюсь и смотрю ей прямо в глаза. В ее широких, испуганных зрачках я вижу свое отражение. Искажённое. Чужое. То самое, которое я ненавижу.

Потом я разворачиваюсь и ухожу. Не оглядываясь. Шаги мои ровные, твердые. Я спускаюсь по лестнице, выхожу на улицу и иду к своему корпусу. Захожу в свой номер и запираю дверь на ключ.

Только тогда я позволяю себе отреагировать.

Я срываюсь с места. Одним резким движением швыряю тяжелую тумбочку. Она с грохотом падает на пол, и стекло в ней трескается. Дыхание срывается, вырывается из груди хриплым, тяжелым рыком. Я подхожу к умывальнику, с силой откручиваю кран и ледяной водой смываю с щеки след ее губ. Я тру кожу, пока она не покраснеет, пока не забудется это поганое, унижающее ощущение.

Но оно не уходит. Оно внутри.

Она посмела. Посмела прикоснуться. Нарушить мои границы. Свести все к какой-то дешевой романтической комедии.

Я подхожу к стене, к той, что отделяет меня от нее. Я прижимаю к ней ладонь, а потом с силой бью по ней кулаком. Дерево глухо стонет.

— Я тебя предупредил, — шепчу я в тишину комнаты.

Но предупреждение — это только начало. Она разбудила во мне нечто. Не ярость. Не злость. Нечто более древнее и опасное. Интерес. Проклятый, нежеланный интерес.

Поселилась в моей голове несмываемым пятном.

В универе не замечать ее гораздо проще, чем здесь. Сесть на задней парте, отвернуться к окну. Или сидеть во внутреннем дворе с графическим планшетом и в наушниках. Людей много, фоновый шум. Да и там она не такая смелая. Была.

Она хочет растопить лед? Хорошо. Пусть попробует подойти еще раз. Я жду.

И на этот раз я буду готов.

Глава 6.

Яна

Я не помню, как дошла до своей комнаты. Ноги были ватными, в ушах стоял оглушительный звон, а щеки пылали. Я заперлась на ключ, прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол.

Он... он подошел ко мне. Он говорил со мной. Его губы коснулись моего уха. Это был не поцелуй. Это была пытка. Холодное, злое прикосновение, от которого все внутри сжалось в ледяной ком. А его слова... «Я не костер, я — ледник. И ты просто затеряешься в одной из моих трещин».

Я обняла колени, стараясь дышать глубже, но воздух будто стал густым и тяжелым. Это не та реакция, на которую я рассчитывала. Я ждала гнева, отторжения, даже презрения. Но не этого. Не этой тихой, смертоносной угрозы, которую он вложил мне прямо в душу своим ледяным шепотом.

Снежин не просто оттолкнул меня. Он посмотрел в самую суть моего плана и показал его полную несостоятельность. Он дал мне понять, что я не просто играю с огнем. Я играю с самой смертью.

Из-за стены донесся глухой удар. Я вздрогнула, прижав ладонь к груди, где сердце бешено колотилось. Он бил по стене. По нашей общей стене. Я представила его сжатый кулак, его искаженное бешенством лицо. И мне стало по-настоящему страшно.

Что я наделала? В погоне за призрачным чувством, за желанием доказать что-то себе и всему миру, я разбудила спящего зверя. И теперь сижу в своей клетке, слушая, как он рычит за тонкой перегородкой.

Слезы подступили к глазам, горькие и жгучие. Глупая. Я была такой глупой и самонадеянной.

Но потом, сквозь страх, сквозь унижение, стало пробиваться что-то еще. Упрямство. То самое, что всегда заставляло меня лезть на самое высокое дерево, спорить с учителями и добиваться парней, которые казались недостижимыми.

Да, он ледник. Да, он опасен. Но он отреагировал. Вышел из своей скорлупы абсолютного безразличия. Ради меня. Чтобы именно меня предупредить, именно мне продемонстрировать свою ярость. Он потратил на меня свою драгоценную, ледяную энергию.

Разве не этого я хотела? Вывести его из равновесия?

Я медленно поднялась с пола, подошла к умывальнику и плеснула в лицо холодной воды. Капли стекали по шее, смешиваясь со следами его ледяного дыхания. Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Растрепанные волосы, широкие испуганные глаза. Но в их глубине тлела искра.

— Хорошо, Снежин, — прошептала я своему отражению. — Ты не костер. Ты ледник. Но у ледников есть одна особенность — они тают. Медленно, с трудом, но тают. И для этого не нужен огонь. Нужно время и постоянное, настырное солнце.

Я не буду бросаться на него больше с поцелуями. Это было наивно и прямолинейно. Он показал мне, что такие методы не работают. Хорошо. Я меняю тактику.

Я сейчас разденусь, надену свою самую теплую пижаму с оленями и лягу спать. А завтра утром я проснусь и буду сиять. Не для него. Для себя.

Но он будет видеть это. Он будет видеть, как я живу, как дышу, как смеюсь, несмотря на его угрозы. Я буду этим настырным, вездесущим солнцем, которое светит ему в глаза, даже когда он пытается спрятаться в своей берлоге.

Я подошла к стене и тихо, почти неслышно, постучала костяшками пальцев в ответ на его удар.

— Я все еще здесь, сосед, — прошептала я. — И я не собираюсь теряться в твоих трещинах.

Потом я легла в кровать и натянула одеяло до подбородка. Ночь была долгой и тревожной. Я ворочалась, прислушиваясь к каждому шороху за стеной. Но под утро, когда первые лучи солнца пробились сквозь ставни и осветили комнату, я наконец уснула коротким, но глубоким сном.

Солнце бьет в глаза, отражаясь от белоснежного поля, и мне приходится щуриться. Воздух звенит от мороза и смеха. После вчерашнего вечера я чувствовала себя выжатой, но завтрак в столовой вернул мне боевой дух. Я намеренно надела самые нелепые разноцветные носки с полосками и съела две порции сырников с вареньем. Я сияла и смеялась. Бросала взгляды на его стол.

Снежин сидел один, отгороженный от всех невидимой стеной. На нем была темно-синяя лыжная куртка, облегающая, подчеркивающая ширину плеч. Он выглядел как профессиональный спортсмен с обложки — собранный, холодный, недостижимый. Он не смотрел в мою сторону. Ни разу.

Теперь мы все здесь, на склоне. Кто-то на лыжах, кто-то на санках. Я выбрала большую надувную ватрушку. Она напоминает мне мои намерения — яркая, упругая, и отскакивает от любых препятствий.

Я уже несколько раз сходила с трассы. Не специально. Просто я не могу совладать с этой штукой. Она крутится, выписывает немыслимые виражи и, в конце концов, вышвыривает меня в сугроб. Подружки хохочут, я отряхиваюсь и тащу ватрушку наверх, чтобы сделать новую попытку.

В очередной раз я разбегаюсь и плюхаюсь на резиновый круг. Он сразу же срывается с места, набирая скорость. Ветер свистит в ушах, снежная пыль бьет в лицо. Я кричу от восторга и страха, пытаюсь рулить весом тела, но это бесполезно. Ватрушка вдруг решает совершить кульбит, вылетает с трассы и с размаху врежется в пушистый, нетронутый сугроб у самого леса.

От удара у меня перехватывает дыхание. Я лежу на спине, раскинув руки, и смотрю в ослепительно синее небо. Вокруг тишина, нарушаемая лишь отдаленными криками и пением птиц где-то в ветвях. Пар изо рта вырывается ровными облачками. Я чувствую себя разбитой, мокрой и смешной. И почему-то очень спокойно. Прямо здесь и остаться бы, смотреть в небо и ни о чем не думать.

Вдруг над моим лицом возникает тень. Она перекрывает солнце, и я моргаю, пытаюсь сфокусироваться.

Это он.

Роман Снежин. Он стоит над моим сугробом, его лицо затенено, но я вижу резкий контур его скул и плотно сжатые губы. Он дышит немного учащенно, будто бежал. Его лыжи воткнуты в снег рядом.

Сердце у меня замирает, а потом начинает колотиться с бешеной скоростью. Он здесь. Почему он здесь?

Глава 7.

Яна

Я лежу и просто смотрю на него снизу вверх. Он кажется таким огромным и монументальным на фоне неба.

Снежин не двигается. Просто смотрит. Мне кажется, я слышу, как скрипят его зубы от напряжения. Весь мир сузился до этого сугроба, до его фигуры, возвышающейся надо мной, и до гулко-го стука моего сердца.

Затем он медленно, почти неохотно, опускается на одно колено. Снег мягко проседает под его весом. Теперь его лицо ближе, и я могу разглядеть его глаза. Ни тени насмешки. Ни злости. Его выражение — это маска холодной клинической оценки. Врач у постели безнадежного больного. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на глазах, проверяя сознание, потом опускается ниже — на шею, на грудь, на раскинутые руки, ища признаки травмы.

Видимо, убедившись, что переломов и открытых ран нет, его губы, тонкие и бледные, чуть приоткрываются. Он изрекает всего два слова. Голос его низкий, без единой эмоциональной ноты, обволакивающе тихий, но они быт сильнее, чем любое падение, вонзаются в самую душу:

— Ты дура.

Не «ты в порядке?», не «ну-ка вставай». Просто констатация факта. *Ты дура.*

И в этот момент что-то во мне щелкает. Первоначальный шок и страх, вызванные его внезапным появлением, сменяются чистейшим, нестигаемым упрямством. Этот человек только что нарушил свое же правило невмешательства. Он подошел и опустился на колено. Он удостоил меня своим вниманием. Пусть и в такой форме. Это не поражение. Это прорыв.

Я поднимаю голову, насколько это возможно, чувствуя, как холодный снег засыпает за воротник. Смотрю ему прямо в его ледяные, серые глаза, в которых не отражается ни солнце, ни небо.

— Зато не скучная, — отвечаю я. И мои губы, почти онемевшие от холода, растягиваются в самой солнечной, самой дерзкой, насколько это возможно сейчас, улыбке. Я вкладываю в нее все свое оставшееся мужество, весь свой вызов.

Снежин замирает на секунду. Кажется, я снова его удивила. Он явно ожидал слез, испуга или оправданий. Но не этого. Никто не отвечает ему дерзостью после такого. В глубине его зрачков, кажется, что-то шевельнулось. Словно далекая молния в глубине ледяной пещеры. Слишком быстро, чтобы понять, что это было.

Он медленно поднимается, сметая снег с колена. Смотрит на меня еще одно мгновение — долгий, пронзительный взгляд, в котором я снова читаю неразгаданную мной смесь раздражения и чего-то еще, чего-то, что он тщательно скрывает. Потом он разворачивается, берет свои палки, вставляет ноги в лыжные крепления и одним мощным, отточенным толчком уезжает прочь, оставляя меня лежать в сугробе с бешено колотящимся сердцем и этой дурацкой улыбкой на лице.

А я продолжаю смотреть на небо, но теперь уже не вижу его. Я вижу его лицо. Слышу его голос.

И я понимаю, что только что произошло нечто важное. Он подбежал. Он проверил, жива ли я.

Это не ледник. Это просто очень, очень толстая ледяная корка. И под ней что-то есть. Что-то, что заставило его бросить свою трассу и подойти.

Я перекатываюсь на бок, отряхиваюсь от снега и с трудом встаю. Я мокрая, замерзшая и, возможно, он прав, и я немного дура. Но я все еще в игре. И я только что получила самое ценное подтверждение — он в ней тоже. Игра становится все интереснее.

Стою, отряхивая с коленей и рукавов комья мокрого снега. Ватрушка лежит поодаль, как яркий, побежденный зверь. Тело ноет от ушибов, но внутри горит огонь.

Смотрю ему вслед. Он уже далеко, легко и мощно скользит по склону, сливаясь с другими лыжниками в единой, строгой картине.

— Яна, ты жива? — подбегает Катя, хватая меня за локоть. Ее глаза округлены от волнения. — Мы видели, как Снежин к тебе подошел! Боже, мы думали, он тебя прикончит после вчерашнего! Что он сказал?

Я поворачиваюсь к ней, и улыбка на моем лице уже не наигранная, а настоящая, широкая и победоносная.

— Он назвал меня дурой, — говорю я и громко хохочу, видя ее ошеломленное выражение.

— Что? И это все? И ты... рада?

— А то! Это же прогресс, Кать! Вчера он сулил мне погибель, а сегодня всего лишь констатирует мой умственный уровень. Это почти комплимент!

Катя качает головой, но тоже начинает улыбаться.

— Солнцева, с тобой скучно не бывает. Ладно, пошли греться. Руки совсем ледяные.

Мы идем к домикам, и я чувствую, как каждая клеточка моего тела звенит от адреналина. Я не просто упала в сугроб. Я упала прямо на его карту, на его шахматную доску, и своим нелепым падением перевернула все фигуры.

Я вспоминаю его лицо в тот миг, когда парировала его оскорбление. Это было не просто раздражение. Это было... недоумение. Смешанное с чем-то еще. С интересом? С досадой, что его ледяная атака не сработала? Он ожидал, что я сломаюсь, а я посмеялась ему в ответ.

Мы заходим в наш корпус, в коридоре тепло и пахнет деревом. Проходя мимо его двери, номер семь, я на секунду замедляю шаг. За этой дверью он. Сейчас снимает свою идеальную лыжную куртку, возможно, так же, как и я, чувствует напряжение в мышцах. Но в отличие от меня, он пытается загнать это напряжение обратно, заморозить.

Я не буду его больше провоцировать напрямую. Никаких больше поцелуев и громких вызовов. Теперь моя тактика — быть настойчивым, назойливым солнцем. Терпеливым и неизбежным.

Войдя в свою комнату, я скидываю мокрую одежду, растираю замерзшие конечности полотенцем до покалывания и надеваю самый толстый, самый уютный свитер. Подхожу к окну. Ребята еще катаются на склоне, маленькие цветные фигурки на белом фоне. Я не вижу его среди них. Наверное, он уже вернулся.

Прислоняюсь лбом к холодному стеклу.

«Дура, говоришь? — мысленно обращаюсь я к нему за стеной. — Ну, держись, Снежин. Я только разогреваюсь».

И впервые за все время этой безумной затеи у меня появляется не просто азарт, а твердая, непоколебимая уверенность. Ледник начал таять. С первой крошечной капли.

Глава 8.

Снежин

Я врываюсь в свой номер, захлопывая дверь с такой силой, что дребезжит стекло в раме. Глухой удар в стену, который я нанес минуту назад, все еще отдается тупой болью в костяшках. Но это ничто по сравнению с тем адским огнем, что пышет у меня внутри.

Дура.

Я сказал ей это. Выпустил в ее адрес единственную, очевидную, примитивную констатацию факта. И что же она? Она... улыбнулась. Эта солнечная идиотка, вся в снегу, с разметавшимися волосами, лежащая в сугробе как поверженный ангел, посмела улыбнуться мне в ответ. «Зато не скучная».

Я срываю с себя лыжную куртку, швыряю ее на кровать. Ткань тяжело шлепается на одеяло. Мне жарко. Невыносимо жарко, будто я только что пробежал марафон, а не прокатился по идеально укатанному склону. Я подхожу к умывальнику, с силой откручиваю кран и набираю полные ладони ледяной воды, втираю ее в лицо, в шею. Капли стекают за воротник, но не могут погасить этот внутренний жар.

Почему я подошел? Этот вопрос ядовитой змеей впивается в мозг. Я видел, как она несетя на этой дурацкой ватрушке, кричит, машет руками, и знал — сейчас будет больно. Я видел, как ее швырнуло в сугроб, и ее тело обмякло. И что-то во мне сжалось. Не страх. Не беспокойство. Что-то древнее, инстинктивное. Что-то, что я похоронил в себе семь лет назад вместе с верой в то, что кому-то может быть не все равно.

И мои ноги понесли меня к ней сами, прежде чем мозг успел отдать команду. Я бежал, чувствуя, как снег хрустит под лыжами, как учащенно бьется сердце — не от нагрузки, а от чего-то другого. От предвкушения? От гнева? Я стоял над ней, глядя, как она лежит, раскинув руки, беззащитная и... умиротворенная. И этот вид бесил меня еще сильнее. Она должна была плакать, звать на помощь, чувствовать боль. А она смотрела в небо.

Я опустилсЯ на колено, потому что должен был убедиться. Убедиться, что с ней все в порядке, чтобы это навязчивое, невыносимое чувство внутри меня наконец утихло. И когда я увидел, что она в сознании, что она просто отвлеклась на облака, я выпалил это слово. «Дура». Оно вырвалось само, как пар из перегретого котла. Оно должно было поставить ее на место, вернуть все в привычные рамки, где я — лед, а она — никчемная букашка.

Но она посмотрела на меня. Не испуганно. Вызывающе. И улыбнулась. Эта улыбка обожгла меня сильнее, чем любое пламя. В ней не было страха перед моим холодом. В ней было принятие вызова.

Я резко выпрямляюсь, глядя на свое отражение в запотевшем зеркале. Влажные пряди волос прилипли ко лбу, глаза горят мрачным огнем. Я не узнаю себя. Эта девчонка каким-то чертовым образом выдернула какую-то древнюю занозу, и теперь все мое существо ноет и воспалилось.

Мне нужно восстановить контроль. Сейчас же.

Я делаю серию отжиманий от пола, чувствуя, как горят мышцы. Пятнадцать. Двадцать. Тридцать. Довожу себя до изнеможения, пока дыхание не сбивается в хрип, а пот не заликает глаза. Но даже это не помогает. Образ ее улыбки все так же ярок передо мной.

Спустя час, когда я уже почти убедил себя, что все под контролем, раздается стук в дверь. Не ее настойчивый, а чей-то другой.

— Снежин, ты там? — голос Андрея, капитана баскетбольной команды. — Все в столовой, ужин. Админ сказал, обязательно всем быть.

Я не отвечаю. Просто стою посреди комнаты, сжав кулаки.

— Роман, чувак, не выпендривайся. Все ждут.

Он ждет еще минуту и уходит. Я слышу его удаляющиеся шаги.

Я не хочу никого видеть. Особенно ее. Но не прийти — значит снова вызвать волну пересудов, вопросов, внимания. А сейчас мне нужно быть тенью. Вернуться в свою скорлупу.

Я принимаю ледяной душ. Вода обжигает кожу холодом, заставляя тело дрожать. Я стою под струями, пока губы не посинеют, а пальцы не потеряют чувствительность. Теперь я снова холоден снаружи. Что касается внутри... это временно. Я заморожу и это.

Одеваюсь во все черное. Простые штаны, свитер. Иду в столовую. Когда я вхожу, разговоры на секунду затихают, потом возобновляются с удвоенной силой. Все меня видят. Все знают. Сплетни расползаются быстрее пожара.

Я занимаю свой привычный столик в углу. Еда не вызывает интереса. Я ем механически, глядя в тарелку, возводя вокруг себя стены. Но мои чувства обострены до предела. Я слышу ее смех. Он режет слух. Она сидит со своими подругами, вся в оранжевом, как сигнальный маяк. Она не смотрит на меня. Нарочно? Создает видимость безразличия? Играет?

Ко мне подходит Андрей, присаживается без приглашения. — Слышал, ты сегодня Яну Солнцеву откапывал. Герой-спасатель, — он хлопает меня по плечу.

Я медленно поднимаю на него взгляд. Я не говорю ни слова. Просто смотрю. Холодно. Плоско.

Его ухмылка медленно сползает с лица. Он отводит взгляд, откашливается. — Ну, я... просто. Ладно, увидимся.

Он ретируется. Хорошо. Пусть боятся. Так проще.

Но потом происходит нечто, что выбивает почву из-под ног. Объявляют какую-то дурацкую игру, командную эстафету. И по какому-то нелепому стечению обстоятельств, жребий бросает нас с ней в одну команду. Она — веселая, шумная, я — безмолвная глыба. Наши взгляды встречаются через весь зал. В ее глазах — торжество и озорной огонек. В моих, я уверен, — смерть.

Она подходит ко мне, когда команды формируются. — Ну что, командир, — говорит она, и ее голос звенит, как колокольчик, — какие приказы? Или просто будем молча побеждать?

Я чувствую, как снова закипаю. Она дотрагивается до меня словами, своим присутствием, своей наглостью. — Держись подальше от меня, — говорю я сквозь зубы, и мой голос звучит тихо, но так опасно, что даже она на секунду замолкает.

Но лишь на секунду. — Не могу, — парирует она, поднимая подбородок. — Мы же команда. Мы должны работать вместе. Как лед и пламень, например.

Она поворачивается и уходит, чтобы занять свое место на старте. А я остаюсь стоять, чувствуя, как трескается тот самый лед, что я с таким трудом намораживал последние несколько часов. Она не просто играет. Она объявила войну на уничтожение. И я начинаю понимать, что мое главное оружие — безразличие — против нее не работает.

И это пугает меня больше всего.

Глава 9.

Яна

Воздух в столовой гудит от возбуждения после ужина. Администратор, женщина с усталыми глазами и бейджем «Светлана», объявляет о командной игре — что-то вроде веселых стартов на снегу, чтобы «сплотить коллектив». Все оживленно переглядываются, нас делят на группы. Я сижу, обжигая губы горячим чаем, и всем существом чувствую его присутствие в дальнем углу. Он игнорирует всю суету, уткнувшись в телефон, но его отчужденность такая плотная, что ощущается физически.

И вот Светлана начинает зачитывать списки команд. Когда она называет мое имя в команде «Ели», сердце екает. Потом пауза. И следующее имя, прозвучавшее как приговор и одновременно как выигрышный лотерейный билет: — Снежин Роман.

В зале на секунду все замолкают, потом кто-то сдержанно хихикает. Это насмешка судьбы, идеальная и нелепая. Я встречаюсь взглядом с Катей, и она делает круглые глаза, полные недоумения и предвкушения.

Он не подает вида. Ни единой эмоции. Просто медленно поднимает голову, его взгляд скользит по спикеру, а затем холодно и тяжело опускается на меня. В нем не было ни злости, ни раздражения. Лишь глухое, безразличное принятие очередной досадной помехи. Он отодвигает стул, и скрип ножек об пол звучит громче любого слова.

На улице, у старта, наша команда копошится, пытаясь выработать стратегию. Роман стоит в стороне, руки в карманах черной пуховки, наблюдая за метелью, что начинала закручивать снежные вихри. Казалось, ему абсолютно все равно, что здесь происходит.

— Ну что, командир, — не удержалась я, подходя к нему поближе. Морозный воздух обжигает легкие. — Какие приказы? Или просто будем молча побеждать?

Он медленно поворачивает ко мне голову. Снежинки таят в его темных волосах. — Держись подальше от меня, — произносит он ровным, лишенным интонаций голосом. В его глазах не угроза, а тотальное презрение к самой ситуации.

— Не могу, — парирую я, поднимая подбородок. — Мы же команда. Мы должны работать вместе. Как лед и пламень, например.

Я вижу, как напрягаются его скулы. Он тяжело сглатывает, но ничего не отвечает, развернувшись к трассе.

Первым этапом была эстафета с переносом «снежного яйца» на лопатке. Когда доходит его очередь, он делает все с убийственной, холодной эффективностью. Бежит не быстрее всех, но его движения выверены до миллиметра. Ни единой лишней траты энергии. Ни единой эмоции на лице. Он передает лопатку следующему, даже не взглянув на него, и отходит в сторону, будто его уже нет здесь.

А я... я стараюсь. Бегаю, кричу, подбадриваю наших. Но все мое внимание приковано к нему. Эта его отстраненность, эта мощь под полным контролем завораживают и бесят одновременно.

Следующий этап хуже всего. «Гусеница». Вся команда должна встать в пару, положив руки на плечи впереди стоящему, и пробежать так дистанцию. Жребий распоряжается, что я оказываюсь прямо перед ним.

Когда я чувствую его тяжелые ладони на моих плечах, у меня перехватывает дыхание. Через толстый слой пуховика и свитера его прикосновение почти неощутимо, но оно жжет меня, как раскаленное железо. Я делаю шаг, и вся наша «гусеница» двигается. Его руки лежат неподвижно, не сжимая, просто как два груза. Я чувствую каждое его движение сзади, его шаг, его дыхание у меня над головой. Мне хочется извернуться, посмотреть ему в лицо, увидеть

хоть что-то. Но я вижу только снег под ногами и слышу его ровное, спокойное дыхание у себя за спиной.

— Эй, Снежин, поддержи дух! Хотя бы скажи «раз-два»! — кричит кто-то из команды.

Он игнорирует. А потом, на повороте, я подскальзываюсь. Моя нога уходит в сторону, и я с глухим стоном начинаю падать. Его руки на моих плечах мгновенно превращаются из груза в стальные тиски. Он не дает мне упасть, резко и жестко удержав меня на ногах. Его хватка такая сильная, что даже через одежду я чувствую боль.

— Смотри под ноги, — его голос звучит прямо у моего уха, низкий и резкий. В нем нет заботы. Раздражение от моей неуклюжести, которая нарушает его безупречное, молчаливое прохождение дистанции.

Он тут же ослабляет хватку, как только я восстанавливаю равновесие. Его прикосновение снова становится отстраненным, холодным. Но в том, как быстро он среагировал, в той силе, с которой он меня удержал, была какая-то животная, неосознанная реакция. Он не позволил бы упасть, даже если бы это был враг. Это был инстинкт. И это заставляет мое сердце бешено застучать.

Мы заканчиваем игру где-то в середине. Наша «гусеница» развалилась, все смеются, запыхавшиеся. Роман сразу убирает руки с моих плеч, словно обжегся, и отходит, не глядя на меня. Он стоит, глядя на заснеженный лес, его профиль резок и прекрасен, как у горного пика.

Я подхожу к нему, все еще дрожа от адреналина и от того мимолетного, сильного прикосновения. — Спасибо, что не дал упасть, — благодарю, пытаюсь поймать его взгляд.

Он медленно переводит глаза на меня. В них ни капли тепла. — Ты мешала, — отрезает он. — Я просто устранил помеху.

И он уходит. Просто разворачивается и идет по направлению к корпусам, оставив меня стоять в метели с горящими щеками и комом в горле. Он устранил помеху. Всего лишь.

Но я помню, как сжались его пальцы на моих плечах. Помню его резкий, злой шепот у уха. Это не было безразличием. Это сдержанная, контролируемая ярость. И я предпочитаю эту ярость — его ледяному молчанию.

Позже, в холле нашего корпуса, я случайно слышу, как он разговаривает с администратором, договариваясь о бане на озере. На два часа. Сегодня вечером.

Идея, безумие, план — все это складывается в моей голове в одно мгновение. Командная игра была лишь прелюдией. Настоящая битва должна произойти там, где не будет посторонних глаз. Где не будет толстых свитеров и командного духа. Где будет только пар, горячее дерево и его холод, который я намерена испытать на прочность.

Глава 10.

Яна

Народ потихоньку расходится. Кто-то в бильярдную, кто-то в кинотеатр смотреть фильмы.

Я знаю, куда идет он. Я проследила за ним взглядом, когда он, не прощаясь, вышел из столовой и направился не к корпусам, а по тропинке, ведущей к маленькой, отдельно стоящей бане на берегу замерзшего озера.

Он арендовал ее на час.

Сердце колотится где-то в горле, послушно отправляя волны жара по всему телу. Это безумие. Но я не могу остановиться.

Адреналин от дневных событий требует выхода. А желание... Желание видеть его без этой ледяной маски становится физическим, навязчивым.

Я жду десять минут, пока он наверняка разделется и зайдет в парную. Потом, накинув лишь свой оранжевый пуховик на голое тело, поверх крошечных черных шортиков и лифчика, я выскальзываю из корпуса. Мороз сразу же кусает за голые ноги, но внутри у меня пылает огонь.

Тропинка к бане усыпана снегом, он хрустит под моими ботинками.

Окно бани светится мягким золотистым светом, из трубы валит густой пар.

Я подхожу к тяжелой деревянной двери, и сквозь шум крови в ушах слышу доносящиеся изнутри звуки — он поддает пару, плещет воду на камни. Шипение.

Я не стучу. Просто толкаю дверь и вхожу внутрь.

Предбанник теплый, пахнет дымом и деревом. Через стеклянную дверь в парную я вижу его. Он сидит на полке, обнаженный по пояс. Его фигура — это холст, нарисованный напряженными мышцами. Кожа влажная и блестит в тусклом свете. Он откинул голову назад, глаза закрыты. Капли воды стекают по его шее, по рельефу пресса. Он дышит глубоко и ровно.

Я скидываю пуховик. Он падает на лавку с мягко.

Роман все слышит. Его тело мгновенно напрягается, как у дикого зверя, учувшего опасность. Он медленно поворачивает голову. Его глаза, серые и пронзительные даже в полумраке, становятся дикими на долю секунды, когда он видит меня. Стою тут, в одном лишь белье, с мокрыми от снега ногами, дрожащая, но не от холода.

— Уходи, — его голос хриплый от пара, но в нем та же сталь, что и всегда.

Я игнорирую его. Мои пальцы сами тянутся к застежке лифчика сзади. Щелчок. Ткань ослабляет хватку. Я не снимаю его, просто позволяю ему висеть на плечах, открывая ему почти всю грудь.

Я вижу, как его взгляд на секунду падает на мою кожу, на изгибы, прежде чем снова встретиться с моими глазами. В его глазах не просто гнев. Там есть шок. И что-то еще... Темное, голодное.

— Я сказал, уходи, Солнцева, — он встает. Такой высокий, мощный. Пар обволакивает его, как дымка. Делает шаг ко мне.

— Боишься остаться со мной наедине, Снежин? — мой голос дрожит, но я вкладываю в него всю свою дерзость. — Боишься, что твой лед растает?

Он оказывается передо мной так близко, что я чувствую исходящее от его тела пышущий жар. Пахнет кожей, чистым потом и дымом. Он смотрит на меня сверху вниз, и его взгляд прожигает меня насквозь.

— Ты играешь в очень опасные игры, девочка, — он говорит тихо, и тянет ко мне руку.

Я замираю, ожидая, что он оттолкнет меня. Но его пальцы не касаются моей кожи. Он медленно, с убийственной нежностью, проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, затем

по линии челюсти, к шее. Его прикосновение обжигает. От него по всему моему телу пробегает электрическая дрожь. — Ты не представляешь, что можешь разбудить.

— Покажи мне, — выдыхаю я, почти не в силах дышать.

Его близость, его прикосновение, этот дикий контраст между его холодными словами и горячей кожей сводят меня с ума.

Его рука останавливается на моей шее, большой палец лежит на пульсе, который бешено стучит прямо под кожей. Он чувствует его. Его губы изгибаются в чем-то, отдаленно напоминающем улыбку. Хищную, опасную.

— Хочешь растопить лед? — его шепот гудит у меня в ушах.

Его лицо приближается. Я чувствую его дыхание на своих губах. Я закрываю глаза, ожидая поцелуя, удара, чего угодно.

Но поцелуй не приходит. Вместо этого его губы касаются моего уха, так же, как это было вчера, но теперь в этом нет угрозы. Есть невыносимое, мучительное обещание.

— Лед, когда тает, превращается в воду, — шепчет он, и его голос низкий, как гром. — А вода... вода может утопить.

Он отступает на шаг. Убирает руку. Воздух снова становится холодным там, где только что было его тепло. Мне нестерпимо больно от того, что он не воспринимает меня никак.

— А теперь одевайся и убирайся, пока я не доказал это на практике.

Я стою, дрожа всем телом, с полуоткрытым ртом, с грудью, вздымающейся от прерывистого дыхания. Он поворачивается ко мне спиной, снова уходя в парную, как будто ничего не произошло. Как будто он не касался меня с такой интимной угрозой. Как будто он не поджег каждый сантиметр моей кожи.

Я медленно, на автомате, надеваю лифчик, застегиваю его дрожащими пальцами. Поднимаю пуховик. Он не смотрит на меня. Уже сидит на полке, как изваяние.

Я выхожу на мороз. Ноги подкашиваются, и я прислоняюсь спиной к бревенчатой стене бани. Морозный воздух обжигает легкие, но внутри меня бушует пожар. Он не остался равнодушным. Он прикоснулся ко мне. И в его прикосновении была не просто злость. Там была плоть, кровь и дикое, необузданное влечение, которое он едва сдерживал.

Он прав. Это опасная игра. Но я не хочу останавливаться. Я хочу утонуть.

Смотрю на дверь, выдыхаю и решительно захожу обратно...

Глава 11.

Яна

Я не могу так оставить. Не сейчас, когда между нами проскочила эта искра.

С силой толкаю тяжелую деревянную дверь и снова вхожу в предбанник. Пар теперь гуще, он стелется молочной пеленой. Я сбрасываю пуховик на пол. На этот раз я расстегиваю лифчик полностью и швыряю его сверху. Он падает бесформенным комком на темное дерево.

Вхожу в парную.

Он не поворачивается. Сидит на верхней полке, его фигура - каменная глыба, облитая водой и тенью. Напряжение в воздухе сгущается мгновенно, становится густым, как мед, и таким же сладким, и таким же опасным.

— Ты трус, Снежин, — говорю я громко, четко, чтобы мой голос перекрыл шипение камней.

Он медленно, как в замедленной съемке, поворачивает голову. Его лицо в полумраке не читаемо. Но я вижу, как сжимаются его челюсти.

— Я сказал, уходи, — его голос — низкий рык, вибрация, которая проходит сквозь пар и ударяет мне прямо в живот.

— Нет. Ты выгонишь меня силой. Если сможешь.

Это чистейшая провокация. И она срабатывает.

Он спускается с полки одним плавным, хищным движением. В два шага он оказывается передо мной. Его тело, обнаженное по пояс, пышет таким жаром, что мне хочется отшатнуться, но я держусь. Его глаза, темные и дикие, впиваются в меня.

— Ты играешь с огнем, дурочка, — он шипит, и его руки взмывают, сжимая мои плечи с такой силой, что я чувствую, как под его пальцами могут остаться синяки. Он трясет меня слегка, пытаюсь напугать, выгнать эту наглость из меня. — Ты хочешь, чтобы я тебя выгнал? Хочешь?

Я задыхаюсь от его хватки, от его близости. Его пальцы впиваются в мою кожу, и это больно, и это пьяняще. Я поднимаю на него взгляд, и вижу — в его глазах не только ярость. Там, в самой глубине, пляшет тот самый огонь, который он так яростно отрицает.

— Ты не выгонишь, — выдыхаю я, и мой голос звучит хрипло. — Потому что ты хочешь этого не меньше моего.

Его дыхание срывается. Он замирает. Его взгляд, тяжелый и горячий, скользит с моего лица вниз, к моей груди, к обнаженной коже, которая быстро покрывается мурашками не от холода, а от его внимания. Мое сердце колотится так громко, что, кажется, его стук слышно над шипением пара.

Его рука все еще сжимает мое плечо, а пальцы другой... медленно, почти невесомо, отрываются от моей кожи. Он смотрит мне в глаза, и в его взгляде — предупреждение и капитуляция одновременно. Указательным пальцем он проводит по моей груди, сверху вниз, по ложбинке между полушариями. Это одно, бесконечно долгое прикосновение.

Кожа под его пальцем вспыхивает, будто от пореза. Во мне все замирает, а потом взрывается лихорадочной дрожью.

Он чувствует это. Чувствует, как я трепещу.

— Вот чего ты хотела? — его шепот обжигает губы, он так близко.

Он не ждет ответа. Его рука, что была у меня на плече, впивается в мои волосы у затылка. Хватка жесткая, властная, лишающая воли. Он откидывает мою голову назад, и я обнажаю горло в немом, полном доверия жесте. Его лицо нависает над моим.

И он целует меня.

Это не поцелуй. Это поглощение. Нападение.

Его губы грубые, требовательные, они сминают мои, заставляя их открыться.

Язык вторгается в мой рот — влажный, горячий, настойчивый. Вкус его — чистый, обжигающий, мужской, смешанный с паром и чем-то горьким, как темный шоколад. Я стону в его рот, мои руки сами находят его плечи, цепляются за мокрую, раскаленную кожу, за твердые бугры мышц.

Он целует меня так, будто хочет выпить всю мою душу, стереть в порошок всю мою дерзость. Его пальцы в моих волосах сжимаются сильнее, притягивая меня еще ближе, так что наши тела почти соприкасаются. Жар от него обволакивает меня, проникает под кожу, в кости.

Я таю. Горю.

Отвечаю ему с той же яростью, кусая его за нижнюю губу, и он издает низкий, похожий на стон звук глубоко в горле.

Кажется, это длится вечность. Кажется, это всего лишь миг.

Пар, шипение камней, стук собственного сердца — все сливается в один оглушительный гул.

И вдруг он отрывается. Резко. Так же внезапно, как и начал. Он отталкивает меня, и я едва удерживаю равновесие, спиной ударяюсь о теплую деревянную стену.

Он тяжело дышит, его губы влажные, распухшие от поцелуя, глаза — темные бездны, в которых бушует ураган. В них я вижу ярость. На меня. На себя. На эту слабость.

— Довольно, — выдыхает он, и это даже не слово, а хриплый выкрик запертого зверя.

Он разворачивается, хватает с лавки полотенце и, не глядя на меня, выходит из парной. Дверь захлопывается с глухим ударом.

Я остаюсь одна. Сползаю по стене на теплый пол. Губы горят, волосы растрепаны, на плечах отпечатались красные следы его пальцев. Воздух, который я вдыхаю, кажется слишком горячим и слишком холодным одновременно. Я прикасаюсь пальцами к своим губам, потом к тому месту на груди, где он провел пальцем.

Он ушел. Сбежал.

Но он поцеловал меня.

Настоящим, яростным, жадным поцелуем. Тот, кто живет подо льдом, ненадолго вырвался на свободу. И я почувствовала его силу. Его голод.

Я сижу в опустевшей парной, и по моим щекам текут слезы — от нахлынувших эмоций, от боли, от триумфа. Он не трус. Он просто в панике. А панику можно преодолеть.

И я знаю, как.

Глава 12.

Снежин

Пар. Густой, обжигающий, липкий. Он заполняет легкие, затуманивает рассудок. Я сижу на полке и пытаюсь дышать ровно, но не получается. Под кожей бегут токи, каждый нерв натянут до предела. Она вошла. Стояла там. Смотрела.

Я выгнал ее. Я должен был выгнать. Это был единственно возможный исход.

Поливаю камни водой, и они шипят, выстреливая новой волной жара. Нужно выжечь это. Выжечь образ ее в одном белье, ее дерзкий взгляд, ее губы, полуоткрытые от быстрого дыхания. Выжечь память о том, как мои пальцы дрогнули, коснувшись ее кожи. Я растираю ладонь о дерево полки, пытаюсь стереть это ощущение — шелковистое, живое, запретное.

Щелчок. Стук.

Мое тело замирает еще до того, как мозг осознает звук. Дверь. Она снова открывается.

Я не поворачиваюсь. Не могу. Если я увижу ее снова, что-то внутри сорвется с цепи. Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль. Нужна боль, чтобы удержать контроль.

И тут я слышу ее голос. Четкий, как удар хлыста, прорезающий густой воздух парной:

— Ты трус, Снежин.

Слово «трус» врезается в меня, как пуля. Оно отскакивает от стен черепа, оглушая, жгучее, невыносимое. Оно попадает точно в цель, в самое слабое, самое тщательно скрываемое место. Потому что она права. Я боюсь. Боюсь ее. Боюсь того, что она во мне будит.

Адреналин, горячий и горький, ударяет в кровь. Я медленно поворачиваю голову. Она стоит там, на пороге, и на этот раз... Боже. На этот раз она сбросила и это. Ее кожа светится в полумраке, идеальная, обнаженная. Вызов в ее глазах смешался с чем-то еще. С безумием. С абсолютной, лишенной страха решимостью.

— Я сказал, уходи, — мой собственный голос звучит чужим, низким рычанием, исходящим из глубины грудной клетки.

— Нет. Ты выгонишь меня силой. Если сможешь.

Это последняя капля. Проволока, на которой держалось мое самообладание, ломается с тихим, звонким звуком где-то в висках. Все мысли превращаются в белый шум. Остается только инстинкт — хищный, темный, подавленный годами.

Я спрыгиваю вниз. Два шага. Я перед ней. Ее глаза расширяются, но она не отступает. Ее смелость сводит меня с ума. Я хватаю ее за плечи, впиваюсь пальцами в нежную кожу, чувствую под ней хрупкость костей. Я трясусь, пытаюсь вернуть ей страх, вернуть хоть какую-то осторожность, чтобы она сбежала, чтобы я перестал чувствовать это неконтролируемое бешенство и... что-то еще. Что-то горячее, пульсирующее в самой низкой части живота.

— Ты играешь с огнем, дурочка! Ты хочешь, чтобы я тебя выгнал? Хочешь?

Я кричу на нее, но кричу, чтобы заглушить голос внутри, который шепчет что-то другое. Она смотрит на меня снизу вверх, ее дыхание рваное, и в ее глазах я вижу не ужас. Я вижу... торжество. Она знает. Черт возьми, она знает, что я на краю.

— Ты не выгонишь. Потому что ты хочешь этого не меньше моего.

Ее слова добивают меня. Они срывают последние покровы. Взгляд против воли падает вниз, на ее грудь, на ту самую ложбинку, по которой я провожу пальцем, как одержимый. Кожа там покрывается мурашками. От моего прикосновения. От моего взгляда. Желание, острое, как лезвие, и тяжелое, как свинец, ударяет под дых, лишая остатков рассудка.

Моя рука сама поднимается. Я больше не командую ею. Палец касается ее кожи. Она вздрагивает, и по ее телу пробегает долгая, сладострастная дрожь. Я чувствую эту дрожь под

подушечкой пальца. Чувствую бешеный стук ее сердца где-то рядом. Это сводит с ума. Это уничтожает все мои «нет», все мои «никогда».

Я слышу хриплый звук и понимаю, что это вырвалось из моей собственной груди. Я запускаю руку ей в волосы, ощущая их прохладную шелковистость, и сжму пальцы в кулак у затылка. Я откидываю ее голову назад, обнажая горло, и вижу, как катится капля пота. Я должен запугать. Должен остановить это. Но я уже падаю в пропасть, и единственное, что я хочу сейчас — это взять ее с собой.

Я целую ее.

Это не поцелуй. Это капитуляция. Это взрыв. В первый миг — только ярость, желание стереть, поглотить, наказать. Ее губы податливы и сладки. Потом ее стон, тихий, застрявший где-то в нашей груди, пронзает меня насквозь. И ярость трансформируется. Переплавляется во что-то неуправляемое, жадное, первобытное.

Ее вкус. Сладкий, с горчинкой чая, с безумием. Ее руки цепляются за мои плечи, не отталкивая, а притягивая. Она отвечает. Боже, она отвечает мне с той же дикостью, кусая мою губу, и эта боль, острая и яркая, только подливает масла в огонь. Мой язык встречается с ее, и мир сужается до этого влажного, горячего соприкосновения, до стука наших сердец, бьющихся в унисон, до жара, который плавит мой лед изнутри, превращая его в пар, в безумие.

Я тону в ней. В ее запахе, в ее звуках, в ощущении ее тела, которое так близко. Я забываю, кто я. Забываю, почему это невозможно. Забываю все, кроме нее.

И именно это воспоминание — о том, кто я, и что я делаю, — обрушивается на меня ледяным ушатом. Оно прорезает красный туман желания, острое и безжалостное.

Я отрываюсь так резко, что аж кружится голова. Я отталкиваю ее, и она ударяется о стену. Я вижу ее глаза — темные, расплывшиеся от страсти, губы — красные, влажные, растерянные. Я вижу на ее плечах красные следы от моих пальцев. Следы моей потери контроля.

Ужас. Чистый, леденящий ужас накрывает меня с головой. Я сделал это. Я позволил этому случиться. Я стал тем, кем поклялся никогда не быть — уязвимым, управляемым инстинктами, слабым.

— Довольно, — это все, что я могу выдать из себя. Это звучит как предсмертный хрип.

Я разворачиваюсь, хватаю первое, что попадает под руку — полотенце, и выхожу, почти выбегаю из парной. Холод предбанника обжигает кожу. Я не останавливаюсь. Я бегу по снегу босиком, и лед под ногами ничего не может сделать с тем огнем, что пожирает меня изнутри.

Я врываюсь в номер, запираю дверь. Стою посреди комнаты, дрожа. Я подношу пальцы к губам. Они до сих пор горят ее поцелуем. Я все еще чувствую ее вкус. Все еще чувствую, как дрожала ее кожа под моим прикосновением.

Она была права. Я трус. Потому что я убежал. Не от нее. От себя. От того чудовища, того голода, что она во мне разбудила. И самое страшное — часть меня хочет повернуть назад. Вернуться в ту парную, забыть про все и закончить то, что начал.

Но я не могу. Потому что за этим последует боль. Та боль, что я знаю слишком хорошо. И я не переживу ее снова.

Я сажусь на пол, спиной к двери, и опускаю голову на колени. Внутри — выжженная земля. И посреди пепла — один-единственный, пылающий уголь: память о ее губах на моих.

Дорогие мои, дальше будет еще интереснее)) растопим сердце ледяного Снежина?)) на что Роман и Яна пойдут ради друг друга?)

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.